

★ 4 ИЮЛ 1981

БРЯНСКИЙ РАБОЧИЙ

г. Брянск

Готовясь к главному экзамену

Что может СТЭМ

Как-то вечером в институт пришел Мольер. Тот самый, Жан-Батист Поклен. Тихими в этот час лестницами поднялся он в актовый зал БИТМа. Что и говорить, не Пале-Рояль он не очень похож, да и публика собралась попроще: ни комзоялов, ни париков, все больше джинсы.

Но свечи были. Их робкое сумрачное сияние металось по крохотной сцене, прижавшейся к киноэкрану, вместе с людьми, которые говорили о Мольере, спорили, любили его и ненавидели, предавали, дрались, умиляли. И он сам любил, ненавидел, страдал, не зная, что близится его 17 февраля, его последний спектакль и смерти, едва упадет занавес. Его убили, утверждает автор пьесы М. Булгаков, немилость короля и «черная казала». Убили за «Тартюфа», поскольку жестокий век не простил художнику правды. Нет, не было им тайного кинжала, им послушного яда. Во всяком случае до них дело не дошло. Сердце художника не выдержало первым. Трагическая женитьба Мольера, эта его кровотокающая душевная рана, ускорила неминуемую развязку.

Для М. Булгакова необычность личной драмы Мольера становится поводом для поиска закономерностей во взаимоотношениях художника и общества. Спектакль студенческого театра, сохраняя проблематику автора, обрел и собственный ракурс. Он заявлен открыто в песенном прологе («Совесть... Что такое совесть?») и явственно прослеживается на протяжении всего спектакля в том, как «высвечена» судьба «Тартюфа», которого Мольер любой ценой пытается спасти для сце-

ны. Горькой нотой вплетается эта тема в разнообразную эмоциональную палитру спектакля, центром которого является Игорь Савчинков не только по праву исполнителя главной роли, но и по качеству своей работы. Надо отметить, что студенческий «Мольер» вообще органично и интересно сыгран. И Людовик XIV (Александр Радин), и Мадлена (Татьяна Трошина), и архиепископ (Леонид Мауэр), и Муарон (Григорий Васин), и одиозный (Владимир Клодницкий), и Арманда (Александра Евдокименко) и Бутон (Владимир Колякин) — все это точно и остро выделенные характеры, активно движущие конфликт. Пусть такое количество комплиментов не покажется чрезмерным по отношению к спектаклю, поставленному на непрофессиональной сцене, исполненному людьми, не имеющими достаточного опыта. Постановщик его преподаватель культуры и искусства, лауреат премии Брянского комсомола Борис Янович Вишневецкий умеет точно определить «тональный диалог» исполнительского ансамбля. Попросту говоря, он никого не заставляет делать непосильное, стоять на цыпочках, актер подается в выгодных для него сценических обстоятельствах. Если добавит к этому и точное, уверенное владение темпоритмом спектакля, то станут понятными причины какого-то очень слитного, упругого восприятия работ этого режиссера.

Мне довелось видеть на сцене актового зала БИТМа все спектакли этого театра. Лишь по традиции его можно называть СТЭМом (студенческий театр эстрадных мини-

тур). Впрочем, начиная с этого и теперь еще не отказавшись полностью от броской эстрадной формы, но лицо его, конечно же, определяют не традиционные шутки по поводу рассеянных профессоров и экзаменационных коллизий. «Под кожей статуи Свободы» Евтушенко, «Левша» Рачера и Константинова, «Жанна д'Арк» (композиция, построенная на материале пьесы Аюлия, киносценария, документальных материалов, почерпнутых из стенограммы суда и книги из серии «ЖЗЛ»), «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, «Точка зрения» В. Шукшина и, наконец, «Мольер» М. Булгакова — по одному этому перечислению уже можно судить о серьезности намерений театра. Если в этот список вчитаться внимательно, то можно определить и принцип отбора. СТЭМ волнует вопросы нравственно-этические, волнует феномен личности, ее мировоззрение и отношение к жизни.

Можно представить, сколько споров было во время работы над «Жанной д'Арк», когда возникла идея соединить в одном спектакле такие разные не только по жанру, но и по подчас и по концепциям источники. Если бы по каким-то причинам работу над спектаклем не удалось бы довести до конца, уже за одну возможность таких дискуссий и таких открытий СТЭмовцы были бы благодарны своему театру. Студенты технического вуза, они находят здесь возможность удовлетворить эстетический голод. Мне рассказывали, что многих из них привело сюда не неудовлетворенное по каким-либо причинам актерское самлюбие,

а поиск того, чего им недостает в учебных группах. Там студенты объединены интересом к своей будущей профессии, общими заботами комсомольской организации. В театр несут то, что не реализуется в группах: интерес к искусству. И меньше всего здесь любят быть похожими на профессиональный или самодеятельный театр, у которого конечно, иные репертуарные и организационные принципы.

Каждый год СТЭМ начинается вновь. Вот и сейчас «Мольер» для многих исполнителей рождался вместе с дипломными проектами. Что в этом театре будут играть через год или два, сказать сегодня невозможно. Помечтаем о другом. О том, например, что СТЭМ заметят у себя в институте и на его спектакли будут приходить преподаватели. Что скромные свои постановочные средства он будет черпать не только из копилки штрафов за опоздания на репетиции... Впрочем, за двадцать лет своего существования битовский СТЭМ мечтает о столь заманчивых перспективах разучился...

Помечтаем лучше о другом. О фестивале студенческого самодеятельного искусства, о вузах, которые откроют двери студенческим аудиториям драматургам, способным разговаривать с молодежью «о времени и о себе», внесут в многообразие студенческой жизни яркие, самобытные краски. В пяти-то наших вузах сколько талантов — не сосчитать!

Вот о чем думалось после встречи с Жаном-Батистом Мольером в актовом зале БИТМа.

М. ДОЗОРЦЕВ.